

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОЛГАРИИ И ГРЕЧЕСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

Пенской Виталий Викторович

доктор исторических наук,
профессор кафедры философии и теологии ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»

Крючков Илья Андреевич
магистрант СТФ ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
г. Белгород (Россия)

Болгария является третьей крупной православной страной на Балканах, которая испытала на себе гнет Османской империи. Из всех православных стран Болгария, вероятно, ближе всех подошла к ужасной пропасти потери своей национальной идентичности. Как мы помним, еще в 1393-98 гг. Болгария была завоевана османами, еще раньше утвердившихся на Балканах, а вместе с потерей независимости окончилось и существование тырновского Патриархата. Патриарх Евфимий вскоре после взятия Тырнова был изгнан из своего собора, обращенного турками в мечеть, а затем и вовсе был сослан в заточение. Патриархия же, стараниями греков, закрылась и все ее епархии были переподчинены константинопольскому Патриарху [8, 45 с.]. Однако Охридская архиепископия, несмотря на то, что она стала греческой, осталась автокефальной как до падения Византийской империи, так и после него. И лишь только в XVIII в. Патриарху Самуилу I удалось заставить ее подчиниться своей власти.

Завоеватели вытесняли болгар с плодородных равнин, и заставляли уходить в горы. Немалая часть болгар была вынуждена принять мусульманство. А те немногие, которые отстаивали православие, были подвергнуты жесточайшей эксплуатации в виде тяжелых налогов и разных повинностей. Болгарская раба была заставлена платить и так называемый «кровный налог», она отдавала малолетних мальчиков для обучения в османские казармы. Когда они принимали ислам, то сразу же становились янычарами, которые являлись отборной частью турецкой армии. При этом, как бы это не было странно, греки, сами терпя лишения от турок, совершенно не стеснялись умножать страдания болгар. Фанариоты занимали важнейшие административные и церковные должности в Дунайских княжествах, в Боснийском и Румелийском вилайетах. Православная церковь Болгарии была фактически полностью в руках греческого клира. Епископы-греки, преследуя свои собственные интересы, делали все, что могли, лишь бы только задавить болгарскую народность, не говоря уже о попытках поборов и вымогательств. Они старались отнять у болгар национальную иерархию. Богослужения велись в болгарских селах по-гречески. Церковные школы также не давали знаний на болгарском или церковнославянском языках [6, 284 с.].

Угнетаясь одновременно с двух сторон и не имея какого-либо своего объединяющего центра, которым вполне мог быть тырновский Патриарх, болгары в течение своего четырехсотлетнего рабства начали постепенно утрачивать свое национальное самосознание. Одни принимали ислам и

присоединялись к туркам. Другие, главным образом те, которые проживали в городах, начали постепенно эллинизироваться. Богослужение во многих селах и городах начало совершаться на греческом языке [3, 253 с.]. Болгарская письменность почти исчезла. Болгарское духовенство лишалось приходов, монастыри и школы превращали в центры греческого просвещения, так же были уничтожены библиотеки, в которых находились болгарские книги, в том числе и важнейшая библиотека Тырновского Патриархата и собора. Запретили использовать кириллицу и болгарский язык, а на его место официально вводили греческий язык. Лишь только монахи Афонского монастыря (Зограф) продолжали вести богослужения на болгарском языке.

Болгары жили в части Румелийского вилайета, которая плотно примыкала к сердцу империи, ее столице – Стамбулу, поэтому им пришлось намного тяжелее, чем другим балканским народам. Тамошний надзор был намного строже, а подати собирались с куда большим усердием, бунты же подавлялись молниеносно и с особой жестокостью. Среди жителей деревень и сел все еще сохранялась определенная болгарская национальность, но вследствие продолжительных притеснений со всех сторон национальное самосознание у них почти не было развито. В таких условиях спасти свою самобытность, и пронести свет родной культуры и помнить о своем великом прошлом было очень трудно. Оберегали историческую память сказители народных песен и священники полувросших в землю церквей, а также монахи немногих оставшихся монастырей. Там, в монашеских кельях переписывались древние летописи, а кое-где и писались новые, поэтому из поколения в поколение все-таки передавалась как история прошедших дней болгарского величия, так и причины болгарской трагедии.

Кардинально все поменялось лишь с появлением Паисия Хилендарского (в миру Пенко или Петр). Можно предположить, что Паисий родился где-то около 1722 года в неподалеку от города Доспей-Самоковско, где так же родился его отец [6, 164 с.]. Не имея никакого образования, в районе 1745 года он решает удалиться в монастырь Хилендар, один из знаменитых монастырей Афона, где и был возведен в чин иеромонаха. Там же он начинает писать свою знаменитую книгу «История славянобългарска о народах, и о царях, и о святых българских», в которой поднимаются из тьмы забвения факты прошедшей славы болгарского народа, как предмет, который достоин памяти и подражания. Книга эта стала настолько дорога болгарам, что написанные от руки экземпляры для сохранности цепями приковывали к алтарю в церквях, где ее вслух читали священники. Это было настолько важным событием, что Паисий сразу стал считаться тем, кто сумеет возродить Болгарию, и стал одним из первых духовных лиц, кто открыто призывал к освобождению болгар от турецкого ига. Его ученик, Софроний, епископ Врачанский, написал, а затем и издал на новоболгарском языке в 1806 году: «Собрание поучений, переведенных со старославянского и греческого языка», которая также показывала на уникальную живучесть болгарской речи.

К сожалению, среди священства не было много столь пламенных патриотов, как Паисий Хилендарский или его ученик Сафроний Врачанский.

Большая часть вообще не хотела знать болгарскую историю и язык, ведь они были греками, так как назначались на приходы в Болгарии прямо из Константинополя Вселенским Патриархом [5, 81 с.].

С ростом национального самосознания этот фактор стал существенным препятствием для ведения патриотической пропаганды. Болгары стали активно выступать за национальную церковь, за восстановление автокефальности Болгарской церкви и назначение болгарских священников. Это противодействие засилью греческого духовенства получило название борьбы против фанариотского ига. Главным требованием болгар становится восстановление упраздненной турками Тырновской Патриархии [4, 309 с.].

В научной литературе этот период подъема национального самосознания получил название «Болгарское национальное Возрождение». И это действительно было возрождение не только исторической памяти о великом Болгарском государстве, но и возрождение болгарской государственности. Во многих городах и крупных селах благодаря деятельности болгарских священников среди которых можно так же выделить Софрония Врачанского и Неофита Бозвели появились «читалища» — дома, в которых можно было читать книги, проводить вечера национальных традиций, ставить пьесы [4, 312 с.]. Читалища превратились в центры развития национального самосознания и распространения вновь создаваемых культурных народных ценностей.

Наиболее острую форму проявление церковно-национальной борьбы проявилось в 1820 году в городе Враце [6, 187 с.]. Тамошние злоупотребления епископа-грека Мефодия заставили местных жителей отказать ему в уплате «владычнины». Уважаемый местный купец Тошов, по понятным причинам желавший заменить Мефодия на епископа-болгарина, встал во главу движения. Борьба не затихала до тех пор, пока Тошова, по проискам греков, не схватили и не вывезли из Врацы [4, 124 с.]. «Это,- пишет проф. П.Ников, – были первые выступления против греческого духовенства в Болгарии, когда появились требования о замене греческих архиереев болгарскими. Церковное движение было вызвано в основном алчностью и злоупотреблениями представителей Патриархии» [7, 255 с.].

В 20-х и в 30-е годы XIX века, когда образовалось самостоятельное греческое государство, эллинизаторские усилия греческого духовенства на территории Болгарии достаточно заметно усилились. Но в это же время, в следствии успешной для Российской Империи русско-турецкой войной 1828 – 1829 годов, наметился и заметный рост болгарского национального самосознания и движения за церковную самостоятельность. Укреплялись и связи болгар с Россией, например, в духовных академиях Российской Империи начали с 1838 года обучаться болгарские иноки, что поспособствовало появлению хорошо образованных болгарских монахов, которые, в конечном итоге, в большей степени подходили требованиям церковного служения в Болгарии, чем менее грамотные греческие кандидаты.

Исключительно важнейшим событием в истории национально-церковного освобождения болгар стали события 1840 года.[4,95с.] Миряне

Тырновской епархии, доведенные до точки кипения насилием местного митрополита-грека Панарета, в своем прошлом циркового борца, неграмотного клирика, который снискал славу жестокого пастыря, обратились в Константинополь с жалобой на митрополита и просьбой удалить его из Тырнова [5, 89 с.]. Османское правительство как ни странно так же поддержало данную просьбу. Благодаря этому обстоятельству представители тырновской паствы выдвинули на столь важное место одного из знаменитых деятелей болгарского духовного возрождения — архимандрита Хилендарского монастыря Неофита Возвели [1, 131 с.]. Несмотря на то, что турки совершенно не возражали против этой кандидатуры, Константинопольская Патриархия смогла добиться что бы на митрополию поставили грека, также по имени Неофит. Болгарского кандидата лишь определили при нем в чине протосингела, а вскоре, из-за интриг митрополита, он был и вовсе сослан на три года на Афон. Там он, однако, написал крайне острый памфлет против греческого духовенства известный ныне как «Просвещенный европеец, полуумершая мать-Болгария и сын Болгарии» [6, 213 с.]. Данный памфлет, повествует нам, как мать-Болгария, оплакивая униженное положение детей, спрашивает: кто же виноват в этом положении. Ее сын сразу указывает среди виновников на греков, которые считают себя особым, избранным народом. Понеся наказание, архимандрит Неофит Возвели вовсе не собирался прекращать своею церковно-национальную деятельность. Напротив, вернувшись в Константинополь, он решает здесь сблизиться с постриженником Хилендарской обители, известным отцом Иларионом Стояновичем. Вскоре в Константинополе образуется большая «болгарская православная община, – свидетельствует проф. И. Н. Шабатин, – поручила оо. Илариону и Неофиту ходатайствовать ... об открытии в Константинополе болгарского приходского храма», а также «о направлении в епархии, населенные болгарами, архиереев болгарской национальности». Но Патриарх это начинание пресек и по его решению оба ходатая отправились в монастырскую тюрьму. Неофит к сожалению не смог дождаться окончания заключения и там же скончался, Иларион же сумел, благодаря своевременной защите русского правительства, обрести свободу.

Деятельность подвижников позволила в октябре 1849 года в турецкой столице освятить первую болгарскую церковь, в которой было разрешено служить и читать проповеди на славянском и болгарском языках. [2,88с.] Неудивительно, что именно эта церковь и стала центром национально-освободительного движения Болгарии. И в 1858 году для этой церкви было решено поставить специального архиерея. Им стал Иларион, который получил место епископа Макариопольского [6, 134 с.].

Ситуация начала второй половины XIX века выглядела следующим образом. Болгары наконец-то сформулировали свое требование перед Константинополем так: восстановление хотя бы церковной автономии, не автокефалии, причем болгары даже не противились назначению их предстоятеля Константинопольским Патриархатом. Но уверенные в себе греки отказывались пойти даже на такие уступки.[4,67с.] Поэтому в 1858 году во время созванного Константинопольским Патриархом Соборе болгарские священники выдвинули следующие требования: первое) избрание архиереев в

их епархии на местах; второе) обязательное знание архиереями родного языка того населения, где они будут проводить свое служение; третье) установление им хоть какого-то жалованья. Но греки и эти требования отклонили, поэтому не найдя другого выхода, епископы болгарского происхождения решились самим установить свою церковную независимость. И уже 3 апреля 1860 года, на Пасху, со ступеней болгарского храма в Константинополе епископ Иларион в соответствии с ярким желанием своего народа решил вместо имени Патриарха помянуть все православное епископство. Фактически данным деянием Болгарская Церковь отделилась от Константинопольского Патриархата.

Акт этот чрезвычайно обрадовал болгар. Новость об этом событии мгновенно разнеслась по всей Болгарии; и везде начали требовать этого же и на местах, а в некоторых отдельных храмах священники стали поминать епископа Илариона как «священноначальника всея Болгарии». Невероятно удивленный всем происшедшим и, не решаясь остановить столь стремительное движение болгар к своей церковной независимости, Патриарх Кирилл VII решил подать в отставку. Преемник его, Иоаким II, видя лишь усиление движения (епископ Илариону смог присоединить к себе митрополитов Авксентия-болгарина и Паисия-грека), тотчас же в 1861 году [4, 156 с.] созвал в Константинополе Собор, постановления которого определяло, что необходимо низложить епископа Илариона Макариопольского и митрополитов Авксентия Велесского и Паисия Пловдивского и немедленно отправить их в заключение. Но такое решение Собора вызвало только более тот факт, что борьба болгар против греческого засилия болгарской паствы приняла массовый характер. Такое развитие событий, не могло не повлиять на то, что Патриарх Иоаким решил все-таки дать некоторые уступки болгарам [7, 343 с.] Было распространено послание, в котором он торжественно обещал направить в болгарские епархии, архиереев болгарской национальности или хотя бы тех, кто хорошо знал болгарский язык. Богослужение в болгарских храмах с этого времени разрешалось совершать и на болгарском языке. Но эти уступки были сделаны слишком поздно. Болгарские церковные деятели на волне подъема национального самосознания решили выдвинуть перед османским правительством совершенно новые требования, а именно: разрешение болгарам участвовать в избрании нового Патриарха наравне с греками; ввод в состав Константинопольского Синода шести архиереев-болгар; а так же предоставить болгарам право самим избирать архиереев для своих епархий [2, 156 с.]. На эти требования Турецкое правительство решило создать смешанную болгаро-греческую комиссию, которая и обязана была рассмотреть все те требования, которые выдвинули болгары. Результат был более чем очевиден: члены комиссии к компромиссному решению не пришли, что ожидаемо вызвало еще больший накал споров.

Патриарх Григорий VI, который был преемником Патриарха Иоакима, решился на более серьезные уступки — он решил предоставить болгарам определенную самостоятельность. Поэтому, он подал турецкому правительству проект, в котором, он, Патриарх Григорий, соглашался выделить некоторую часть болгарских епархий в особый округ, который в последствии управлялся бы собором именно епископов-болгар, которыми председательствовал Экзарх,

который, однако, остался бы в прямом подчинении от Константинопольского Патриарха. Как ни странно, эти предложения Патриарха Григория, как и предложения прежнего Патриарха Иоакима, ни на каплю не удовлетворили болгар. Они обретали все большую решимость, и понимали, что зависимость от Константинопольской Патриархии, по проекту слишком велика, а уступленная им церковная область чересчур мала и не охватывает и половины от всех болгарских городов и сел [2, 215 с.].

Наконец, Османское правительство, устав от бесконечных споров, а так же видя твердую решимость болгар и постоянно растущее волнение в империи, решило 28 февраля 1870 г. обнародовать султанский фирман о создании самостоятельного Болгарского Экзархата для болгарских епархий, а также и тех епархий, две трети православных мирян которых пожелают перейти под его юрисдикцию. Экзархату же предлагалось почитать Патриарха Константинопольского за богослужением, и извещать его о своих решениях. Если смотреть фактически, то данным султанским фирманом восстанавливалась независимость Болгарской Церкви, которая неканонически была уничтожена в конце XIV столетия и во второй половине XVIII века. Так же данным актом Турция все же признавала существование на территории своей империи отдельной болгарской народности. «Вопреки всем интригам фанариотского духовенства Порты недавно, – писал в те годы В. В. Макушев, – окончательно признала независимость от Цареградского Патриарха Болгарского Экзархата и тем открыла более свободное поприще умственного и материального развития болгарского племени» [7, 215 с.].

Итак, мы видим, что болгарское духовенство первые столетия после османского завоевания скорее выживало, чем существовало. Оно было прямо зависимо от Константинопольского Патриархата, и управлялось греками, которые, как и турки, старались ликвидировать болгарское национальное самосознание. Но болгарское духовенство свою задачу выполнило, и национальное просвещение вместе с напоминанием о своей национальной идентичности привели к тому, что Болгария стала самостоятельной страной со своей автокефальной церковью, и то, что мы наблюдаем сегодня эту независимость лучше всего доказывает, что болгарские священники сумели выдержать свою ношу.

Литература

1. Александров А. И. (еп. Анастасий). Политическая и церковная жизнь славянства в XIX веке. Казань, 1911. С.230.
2. Воскресенский Г. Из церковной жизни южных славян//»Богослов. Вестник». 1893. Т. II. С.325.
3. Григорович В. Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1850. С.265.
4. Иванич И. Из церковной истории болгар в Турции в XVI -XIX веках. София, 1903. С.387.
5. Достян И. Из жизни Православных Церквей. Сербская Церковь. Болгарская Церковь 1970. С.120.
6. Лебедев А. История Греко–Восточной Церкви под властью турок. СПб.,1903 С.454.
7. Лопухин А. П. История Христианской Церкви в XIX веке. СПб., 1901. Т. 2. С. 532.
8. Шабатин И. Н., проф. (Никита Волнянский). Константинопольская Патриархия и Балканские славяне. ЖМП. 1948. № 6. С. 70.